

Мальчик на шаре

р. 5

Как актуальные художники ностальгируют по советским временам

СЕРГЕЙ СОЛОВЬЕВ

Московская художница Татьяна Антошина, известная своими проектами с гендерным уклоном (она разрабатывала тему «женского» и «мужского» в искусстве), создала серию жизнерадостных холстов с названием «Небо, Гагарин, девочка». Бурный оптимизм и радость у нее вызывают полет Гагарина в космос и яркий поп-артовский стиль 1960–70-х годов.

По галерейным стенам на манер иллюминаторов развешены шесть круглых картин с улыбающимися людьми. На потолке — такой же круглый плафон, откуда на зрителей внизу, словно в колодец, смотрят радостные граждане. Таким манером Татьяна Антошина воссоздает «всемирную эйфорию, которая сопровождала первые полеты в космос». Задорной яркостью светятся акриловые краски, на лицах изображенных играют солнечные блики. Вместе с героями полотен, висящими непривычно высоко, посетитель вынужден заирать голову и всматриваться в их светлое будущее и в свое наивное прошлое.

Форма картин, по идее художницы, отсылает сразу к двум традициям. С одной стороны, к эпохе итальянского Возрождения, когда стали особенно популярны тондо — изображения Богоматери или святых, вписанные в круг. С другой — к русскому авангарду с его оптимисти-

ческой философией космизма (освоение межзвездных пространств как выход из земных неурядиц). У Татьяны Антошиной была даже мысль показать свои картины в затемненном зале, тогда бы они смотрелись более концептуально, как реальные иллюминаторы. Однако для конструктивизма начала XX века здесь явно перехлестывают личные эмоции.

Куда как больше круглые «стоп-кадры» Антошиной напоминают знаменитые дейнековские плафоны на станции метро «Маяковская». В них слишком много чисто кинематографических ракурсов (иногда даже возникает чувство, что это отражения на круглом объективе фотоаппарата) и

слишком много воздуха и неба, которыми грезили ранние сталинские летчики и живописцы. Даже изощренная техника, в которой выполнены холсты — многочисленное наложение трафаретов и наслоение красок, — отсылает к метростроевским мозаикам. Картины стоит рассматривать именно как попытку создать особый вариант «позитивного искусства» после череды декадентских игр со сменой полов (Антошина сначала взялась переписать «мужскую историю искусства», создав «Мальчика на шаре» и другие композиции, где женские тела были заменены мужскими и наоборот).

Уже не первый раз художники и дизайнеры используют стиль 1960–70-х годов для передачи светлой ностальгии. Известно, что российский вариант поп-арта в качестве одной из икон имеет улыбающегося Гагарина — наша альтернатива Мэрилин Монро. Между тем всякий раз кочующий Гагарин со всеми атрибутами эпохи «буги-вуги» передает разные ожидания. Их использовали художники конца XX века (Бартенев и вся «клубно-кислотная» культура 1990-х) в качестве первых ироничных подступов к новорусскому гламуру — к яркому будущему. Сегодня, когда гламур — гляцевая красота — вполне уже состоявшееся явление, Гагарин-стиль иллюстрирует живое, глубоко личное, семейное и интеллигентное счастье. Но счастье это подмигивает откудова-то из прошлого и с приходом арт-рынка, кредитов и ипотек никак не желает становиться настоящим.

